

Татьяна Апсит

ЗАВТРА —
ЭТО
КОГДА?

Татьяна АПСИТ
Завтра – это когда?

«Автор»

2023

Апсит Т.

Завтра – это когда? / Т. Апсит — «Автор», 2023

Приехавшая из Сибири в Москву Рита Аленина не могла представить, что счастливое поступление в МГУ обернется для нее долгими годами ухода за больной сестрой отца. Тетя вкладывает все их сбережения в банк и умирает от инсульта, узнав о его разорении, а в жизни Риты начинают происходить необъяснимые вещи. Далекая от мистики девушка сталкивается с действием потусторонних сил, проходит через тяжелые испытания, теряет и вновь обретает надежду.

Татьяна Аписит

Завтра – это когда?

Я нашарила будильник, не открывая глаз, и лишь поднеся его совсем близко, глянула на светящийся циферблат: без четверти шесть. И сразу вернулось ощущение катастрофы. Вчера тетя Люба весь день пролежала в постели и не слышала новостей, но долго так продолжаться не могло: обычно она вставала следом за мной и сидела у стола, глядя, как я ем. Она никогда не завтракала вместе со мной, даже почти не разговаривала, просто включала радио и усаживалась напротив. Почему? Не знаю, может, потому что я предпочла бы одиночество и тишину, и она это понимала. Сама я радио не включала никогда и о беде узнала случайно: Ольга Андреевна, наша заведующая, весело сообщила:

– Слыхали, компания «Финико» тоже лопнула. Неужели еще есть лопухи, которые после всех этих «МММ» и «Чар» несут деньги в такие конторы?

Коллектив дружно включился в обсуждение проблемы; похолодев, я до боли в пальцах сжала карандаш. Бог мой, как я пыталась остановить тетю Любу, чего только не наслушалась в свой адрес! Дело не в том, насколько велика была сумма, дело в том, что это были ВСЕ наши деньги, скопленные в результате жесточайшей экономии. Целый день я думала о том, что ждет меня дома, однако октябрьский холод сослужил на этот раз добрую службу: из-за резкого изменения погоды у тети Любы поднялось давление, и ей было не до событий, колебавших устои внешнего мира.

Я лежала, глядя в темный потолок, и неожиданно с тоской вспомнила веселую девчонку, приехавшую в столицу держать экзамены в самый знаменитый вуз страны, – смелости и сил в ней хватило бы на троих. Был ведь прекрасный университет под боком, так нет – манили новые места, свобода. Самое удивительное, что авантюра удалась, и я стала-таки студенткой филологического факультета. Что и говорить – фантастическое везение. Кто бы сказал, чем оно для меня обернется...

Тетю Любу, сестру отца, я тогда почти не знала: она с мужем-полковником жила в Калининграде, где он служил. Еще была жива бабуля Нина, папина мать, и я частенько забежала в ее солнечную комнату с пальмой в совершенно безразмерной коммуналке. Теперь неловко признаваться, что это случалось по большей части, когда у меня кончались деньги, но тогда я не забивала себе голову размышлениями этического характера – молодость эгоистична. Я видела, что каждый мой приезд для бабули настоящий праздник, уплетала за обе щеки ее фантастические пирожки и не отказывалась от благодарности за доставленное удовольствие, выражавшееся обычно в цветной бумажке. Когда я училась на третьем курсе, бабуля и тетя Люба с мужем съехались в трехкомнатную квартиру на Теплом Стане; через год тетя Люба с Петром Сергеевичем вернулись домой окончательно, и я почти перестала бывать у них. Честно говоря, меня неприятно смущал тети Любин муж, и то, как масляно блестели его глаза, и то, как он сладко тянул:

– Ка-а-кие у нас щечки, ка-а-кие ямочки! Ну, поцелуй дядьку!

Я называла его про себя старым козлом (смех сказать, ему было тогда лет сорок пять) и после смерти бабули совершенно прекратила к ним ездить. К тому была еще одна веская причина: на четвертом курсе я встретила Лешу и с тех пор жила только им. Конечно, романтические истории случались и раньше, но это была БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ. В магистратуре мы уже знали, что поженимся, я была полна счастливых надежд и готовилась, как декабристка, отправиться за ним хоть на край света. В отличие от меня он учился не ахти как, поэтому нашел место дома, в Омске, в вычислительном центре номерного завода – он был математиком. Мы решили, что я поступлю в аспирантуру при кафедре, а потом переведусь на заочное и приеду к нему – квартирой в Омске можно было обзавестись быстро.

Неожиданно зимой прилетел отец, от него я узнала, что от тети Любы ушел муж. Она находилась в состоянии перманентной истерики, хотя, по тогдашнему моему твердому убеждению, должна была благодарить судьбу за избавление от такого придурка. Эпопея развода была совершенно омерзительной, отец приехал, чтобы помочь сестре отстоять честь и имущество. Как ни странно, им это удалось: квартира с начинкой отошла тете Любе, уж не знаю, чем припугнули беглеца, но ему достались только дача и машина.

Честно говоря, вся эта непотребная кутерьма меня не особенно волновала: я готовилась к защите диплома, потом сдавала экзамены в аспирантуру – работы было выше головы. И еще ужасно тосковала по Леше: весь последний год мы практически жили вместе, и раздельное существование оказалось тяжелым испытанием. Я буквально считала дни до новой встречи и вспоминала какие-то волновавшие душу мелочи: как мы с Лешей ели мороженое на набережной, как ездили на Новодевичье положить цветы на могилу Булгакова, как бегали на концерты Курентзиса...

А когда счастье, казалось, уже стояло на пороге, у тети Любы случился инсульт, и все рухнуло. Вновь приехал отец: за больной требовался уход – ее частично парализовало, – и я оказалась прикованной к Теплому Стану на всю оставшуюся жизнь. Решение отца было жестким: кто, если не ты? На второй год разлуки эмейлы от Леша стали приходить все реже, пока в один прекрасный день перед моими глазами не расплылись сумбурные строчки: «Прости... Вынужден жениться... Люблю только тебя...». По сути, неизбежный финал. Сколько я тогда плакала, знала только подушка.

Со временем паралич у тети Любы отошел, но агрессивность осталась, вечера стали для меня проклятием, я всегда старалась вернуться домой попозднее, а это вызывало новые обвинения и упреки. Мои звонки домой были полны отчаяния, и летом приехали родители. На тот месяц, что они у нас провели, тетка превратилась в сущего ангела, и отец устроил мне жуткую выволочку, упрекая в бессердечии, эгоизме и лжи. Но как же эта беспомощная страдалница отыгралась, едва за родителями закрылась дверь!

Больше всего тетку злило мое опекуничество и завещание на мое имя, на оформлении которых настоял в тот раз отец. Не могу сказать, что она ненавидела только меня – это отношение распространялось на всех молодых женщин. Она сделалась непредсказуемой и агрессивной. Участковый врач, что периодически навещалась к нам, в ответ на мои слезы только сочувственно вздохнула:

– Что вы хотите, у нее снижена психика.

– Но мне-то что делать, ведь сил уже нет!

– Видите ли, я могу прописать лекарство от болезни, но здесь нужно другое: думаю, вам следует обратиться к психиатру, он сможет дать нужный совет.

Так через пару недель я встретилась с психиатром; листая пухлую историю болезни тети, он выслушал мой нехитрый рассказ и только головой покачал:

– Психопатия, установленный диагноз.

– И какое будет лечение?

Он глянул на меня с сожалением:

– Похоже, вы не знаете, кто такие психопаты. Психопатия – это не заболевание, это патологическое изменение личности, чаще всего врожденное. У таких людей полностью или частично отсутствует эмпатия к окружающим. Сочувствия от них вы не дождетесь никогда, при этом они умеют отлично манипулировать людьми.

– Но, если она меня терпеть не может, почему не позволила уехать?

– Как манипулятор может обойтись без объекта? Вы ей очень нужны. Когда ваша тетя потребовала, чтобы вы жили вместе, она обеспечила себе развлечения на всю оставшуюся жизнь, так что сейчас вы ее корм.

- Почему ее все слушаются, даже отец?
- Потому что она манипулирует не только вами, но и вашими родителями, отцом, в первую очередь. Она же знает его с детства, поэтому точно понимает, на какие кнопки-чувства надо давить.
- Когда приезжали родители, она превращалась в настоящего ангела.
- Ничего удивительного, когда надо, они прекрасно имитируют любовь и привязанность к кому захотят.
- Понимаете, оскорбления начинаются с самого утра, это просто невыносимо.
- Смотрите что получается: по сути, ваша жизнь много лет определяется истерикой вздорной психопатки – ее словами.
- Она говорит мне всякие гадости и ходит после этого с таким победоносным видом.
- А как же, она получает свои дозы, так сказать, питания. Это для нее как утренняя чашка кофе – настроение поднимает.
- От справедливости его замечаний я совсем упала духом:
- Просто не знаю, как жить дальше.
- Доктор повертел в пальцах остро отточенный карандаш:
- Существует три варианта выхода из любой ситуации: отстраниться от ситуации, изменить ее или принять. Что вы предпочтете?
- Я задумалась на минуту.
- Скорее, первое.
- Чаще всего бывает достаточно занять правильное положение, и всё само начнет приходить в норму.
- В каком смысле «принять правильное положение»?
- Корректное положение в отношении других людей – это видеть их без примеси себя. Не нужно приписывать им свои эмоции, свои взгляды на что-то, свои мысли. Нужно понять, что они другие, просто с другой планеты, и все их реакции тоже другие.
- Но как такое вообще возможно?
- Видите ли, всякая личность формируется некоторыми исходниками, – это гены, способности, привычки, навыки, пережитые обиды, и так далее. Думаю, ваша тетя не могла быть иной: те исходники, из которых составила ее личность, сложились в ее характере единственно возможным образом.
- А мне-то что делать с этими ее исходниками?
- Надо поглядеть не на тетю, а на себя. Если вы хотите себя защитить, надо подумать, как это сделать с наименьшими потерями. Когда ваша тетя успокаивается? Вот она высказалась с утра – и что?
- Утихает на время после того, как ставит меня на место. Или когда доводит до слез.
- Вот отсюда и будем танцевать. Вы должны лишить ее этого состояния послеобеденного удовольствия.
- Но как?
- Не реагируйте на ее провокации, вынесите ее за скобки. Представьте, что вы – большая подушка: она бьет, а вам не больно. Поняв, что ей десерта больше не получить, она со временем утомится. Правда, это потребует от вас терпения.

Конечно, поначалу у меня получалось плохо, я оправдывалась, пыталась защищаться, что только добавляло масла в огонь, но в конце концов все же научилась гасить ее выпады. Внешне, конечно, на самом деле они меня все равно ранили. Дважды я делала попытку сбежать: тетка давно была в состоянии сама себя обслуживать, даже ходила вполне нормально. Первый раз я уехала домой после защиты диссертации, но через неделю последовал душераздирающий звонок из Москвы, и родители выпнули меня обратно. Вторая попытка состоялась через четыре года, но схема возвращения была той же, и я ясно поняла, что на сочувствие

близких рассчитывать не приходится (издали я лелеяла надежду, что они меня поймут и как-нибудь спасут), и сдалась. Ноша была мне не по силам, но дома до этого абсолютно никому не было дела: я почувствовала себя отрезанным ломтем. Последний раз я летала в Новосибирск на похороны отца, семь лет назад.

Будильник зазвенел, я испуганно дернулась и нажала кнопку. Услышала ли его тетя Люба? Услышала, естественно. Она вошла на кухню, едва я села за стол, и на мое «как вы себя чувствуете?» ответила с привычной язвительностью:

– Жива, как видишь. Небось, надеялась, что окачурюсь? На себя посмотри: вон какие пятаки под глазами.

– Вчера было много правки, я устала.

– Как же, довелось червяку поработать на веку. Меня не обманешь: одни мужики на уме, вот и бессонница.

Я принялась считать цветочки на клеенке. Она потянулась к приемнику, и в ответ на усилии звонкий молодой голос объяснил, что кофе «Максим» – лучший друг человечества. А потом пошли утренние известия, и я сжалась, ожидая удара.

– Главной экономической новостью остается крушение банка «Финико», – сообщил диктор. – Среди его вкладчиков...

Я боялась поднять глаза. Руки тетки вдруг странно задержались, потом застыли, я услышала частое свистящее дыхание, и она встала, цепляясь за ручку холодильника. Я взглянула на нее и вконец перепугалась: перекошенный рот, блуждающий взгляд, судорожные движения.

– Тетя Люба, вам надо лечь, пойдете...

Она позволила увести себя в спальню, сидя на кровати, сунула таблетку под язык, но, когда я попыталась ее уложить, резко меня оттолкнула:

– Я им покажу, я им всем покажу...

– Потом, потом, а сейчас надо лечь, – пыталась я ее успокоить.

Она ударила меня по руке:

– Уйди, это все ты накаркала! Ну я им покажу!

– Конечно, вы разберетесь, но потом, а сейчас надо немного полежать.

Я говорила и говорила, укладывая ее в постель, укрывая одеялом, и сопротивление постепенно ослабевало, минут через двадцать она задремала, и я смогла пойти на работу.

Режим у нас в редакции особой суровостью не отличался, раньше он был более строгим, однако сейчас интерес к проблемам археологии упал, выживали мы в основном за счет грантов. Тираж книг сократился на порядок и количество предлагаемых к публикации статей тоже заметно уменьшилось. По-настоящему верны науке оказались лишь стойкие шизофреники, которые продолжали слать нам свои изыскания о визитах инопланетян, берестяных календарях древних тунгусов и культе белых волков у праславян, и адепты Фоменко, доказывавшие, что монголо-татарское иго – миф, на самом деле Чингиз-хан – это Юрий Долгорукий, а Среднюю Азию и Китай завоевали древние русичи. Лексика этих опусов была весьма далека от академической и годилась скорее для репортажей с театра военных действий, наш маленький бумажный бастион стойко держал оборону, вызывая ожесточенные атаки непризнанных гениев. В общем, я жила в мире не столько прекрасном, сколько яростном.

Мало кто знает, как удручающе выглядит 99% поступающих на редактуру статей, на этот раз, однако, на моем столе лежало грамотное, интересное и изящное исследование об орнаментике раннесредневековых фибул – застежек для плащей. Оно требовало лишь небольшой стилистической правки, но даже на ней я не могла сосредоточиться. Мысли уплывали за горизонт в то невозвратное время, когда я была еще беззаботной и свято верившей в свою счастливую звезду дурешкой. Сейчас эти годы казались абсолютно безоблачными: память – удивительная вещь, она может спрессовать годы в один безмятежный летний полдень, где нет места печали и заботам. На самом деле они, конечно, присутствовали, но растаяли, не оставив следа.

Вернул меня в сегодня звонок: наш художник Юра просил уточнить, что решили выбрать для иллюстрации статьи – фотографии или графические реконструкции. Мы отобрали четыре прорисовки фибул, позволявшие хорошо разглядеть изображения змеев; я смотрела на руку Юры, попавшую в кадр, и неожиданно вспомнила крупную чуткую руку, перебирающую струны и негромкий голос... Но это был совсем иной сюжет: год назад Наташа Федорова приглашала всю редакцию на новоселье; гитариста звали Стасом, он работал вместе с Наташиным Вадимом и тоже был приглашен. Худощавый, смуглый, с заметной сединой в темных волосах, «он приходил с гитарой за спиной, свидетельством беспутности и дара». На самом деле гитара была хозяйская, и по тому, как его просили сыграть, было очевидно, что он являлся постоянным участником федоровских застолий, я же не была в подобной ситуации со студенческих лет и сидела напротив него как замороженная, правда, недолго: звонок в очередной раз заумиравшей тети Любы быстро вернул меня домой. «Когда-нибудь я к вам приеду, когда-нибудь, когда-нибудь...». Полная безнадежность этого «когда-нибудь» вновь сжала сердце, и в поисках спасения я кинулась к своим фибулам-оберегам.

После обеда я принялась мучить телефон, но тетя Люба не отвечала, хотя давно должна была проснуться. К четырем часам я уже не находила себе места и, прихватив статью, поехала домой.

Квартира встретила пугающим безмолвием, и я в отчаянии прислонилась к дверному косяку: тетя Люба, видно, все же поехала в банк, и это при ее-то утреннем состоянии... Послонившись в тревоге по комнатам, я принялась готовить ужин, пытаюсь отвлечься от невеселых мыслей.

Я терла морковь для салата, маленькие оранжевые стружки быстро наполняли пиалу. Мы с тетей Любой были вегетарианками, не по убеждению, просто так складывалась жизнь. Нарушала я этот многолетний пост очень редко, последний раз все на том же обеде у Наташи. Зато, когда спрашивали, как я умудряюсь выглядеть так молодо, с умным видом советовала: откажитесь от мяса и сладкого. И еще от семьи, детей, надежды – но это уже так, реплика в сторону. Счастливая, говорили мне, какая сила воли! Да, трудно только первые десять лет...

За окном быстро темнело. Вот уже и чай допит, и посуда помыта, а тети Любы все нет. Господи, что может сделать старая больная обманутая женщина? Ведь с нею и разговаривать никто не станет. Эти прохиндеи из «Финико» наверняка давно нежатся под ласковым солнцем где-нибудь на Мальдивах, потешаясь над обобранными простаками. Циники-профессионалы, что с них взять.

Звонок в дверь буквально сдернул меня с табурета, я кинулась в коридор под непрекращающееся дребезжанье и открыла, даже не глянув в глазок.

– Боже мой, тетя Люба!

Ее завела в квартиру наша дворничиха Ханифа, тетка шаталась как пьяная, мы принялись ее раздевать, и Ханифа забасила:

– Гляжу, качается, думала, выпивши, да так это непривычно показалось. Подошла ближе – вроде, не пахнет, спрашиваю, а она бормочет, и слов не разобрать. Вижу, нехорошо выходит, положить человека надо. Насилу довела.

Мы подхватили тетю Любу под локти, ее мотало из стороны в сторону. Уложив тетку на диван, я услышала «пить!» и бросилась за водой. Ее зубы стучали о чашку, потом мне удалось засунуть таблетку физиотенза ей под язык, и лишь после, уговаривая и успокаивая ее, я обратила внимание на бессмысленный, блуждающий, какой-то совершенно стеклянный взгляд. А потом она захрипела.

– Ханифа, миленькая, «скорую»!

– Да что сказать-то?

– Скажите, что сердце...

Я слушала испуганный голос дворничихи, объяснялась через нее с диспетчером, а сама старалась удержать тетку на диване: она все порывалась встать. Время в ожидании врачей текло невыносимо медленно, минут через десять Ханифа засуетилась:

– Пойду-ка я их встречу.

Вернулась она не скоро, с нею были двое в голубых накидках

После беглого осмотра сестра принялась измерять давление и снимать кардиограмму. Доктор, заполнял медицинскую карту, я отвечала на его вопросы, потом он просмотрел длинную бумажную ленту, продиктовал сестре составляющие для укола и повернулся ко мне:

– Не могу сказать ничего утешительного: инсульт. И тяжелый.

Огляделся, вздохнул и добавил:

– Только вы с нами не ездите, я скажу, что «скорую» вызвала соседка.

– Дворник, – поправила его Ханифа.

Пока доктор выяснял по телефону, куда следует везти больную, а медсестра укладывала чемоданчик, мы с Ханифой принялись переодевать тетю Любу, что оказалось делом непростым – она сопротивлялась неожиданно резко, даже ожесточенно. Пришел вызванный доктором шофер, мы на простыне внесли ее в лифт, спустили к машине, переложили на носилки, подняли в салон, и красные габаритные огни «скорой» растаяли во тьме. Ханифа вернулась в квартиру вместе со мной, мы прошли на кухню.

– Ой как тебя колотит! Как спать будешь? Давай-ка чай поставим.

Ее негромкий низкий голос успокаивал, я благодарила судьбу, что хоть кто-то оказался рядом, я отвыкла от заботы. В голове стучало: что делать дальше? Деньги. Где их взять? Надо позвонить домой, может, Оля прийдет? Больше сунуться не к кому. Но в Сибири сейчас ночь, придется завтра...

Ханифа слушала меня, подперев голову рукой и участливо кивая. Подумав, предложила:

– Десять тысяч я тебе дам. На месяц.

Она вышла и вскоре вернулась – мы жили на одной лестничной площадке. Я не знала, как ее и благодарить.

Утром первым делом позвонила в Новосибирск, Оля взяла трубку, но разговор вышел грустный: помочь она не могла.

– Сама знаешь – кризис. А у меня три здоровых мужика да мать на руках. Она еще где-то простуду подхватила, уже неделю кашляет. Лекарства, врачи – покрутись-ка. Извини, и рада бы ...

Что тут скажешь? Надо выбирать самой. Только как? Голова пухла, да толку? Позвонила на работу, отпросилась и поехала в больницу.

Тетя Люба была без сознания. Переговорив с лечащим врачом, молодой блондинкой с рыбьим взглядом и сверкающими ушами, я узнала, что лечение в больнице бесплатное, но уход за больным следует взять на себя или частным образом договориться с одной из медсестер. Выбора у меня не было. Золотая рыбка добавила, пожав плечами:

– Только она вряд ли поднимется: очень тяжелый случай, так что готовьтесь к худшему. Конечно, мы сделаем все возможное.

Голос у нее был на редкость противным.

Домой я вернулась в полной прострации. Да, Москва бьет с носка и слезам не верит, вчерашним людям, вроде меня, в ней места нет. Я прожила здесь двадцать лет, но осталась чужой: в универе москвички с нами, приезжими, не сближались, держались особняком, а Люся, заветная моя подружка-иркутянка, с которой мы все пять лет прожили в одной комнате, сейчас за тридевять земель, в зеленой и прекрасной Новой Зеландии, вон улыбается с фотографии рядом со своим верзилкой Питером. А после какие могли быть подруги при лежачей больной? Нет у меня никого. И на работе обратиться не к кому: народец в общем, неплохой, но каждый сам по себе, да и живут все от зарплаты до зарплаты. Может, продать что-нибудь?

Я обошла квартиру: темная импортная мебель, диваны, кресла – что за это сейчас можно получить, при нынешнем-то изобилии? А если все же попытаться?

К моему удивлению, Ютуб выдал массу адресов мебельных коммисионок, я принялась их обзванивать и узнала, что мебель берут, но мой вариант стоит дешево. Как будто я могла выбирать. Наделав фотографий, я отправилась в ближайший магазин, надеясь переговорить с администрацией: у меня не было денег на доставку дровишек в магазин, хотелось устроить так, чтобы перевозку вычли из их стоимости. Толстый, но очень подвижный мужик с цепким взглядом просмотрел фото, молча выслушал мое ценное предложение, повертел в руках карандаш и неожиданно кивнул:

– Завтра заберем, приготовьтесь.

Не веря в удачу, я кинулась домой.

В эту ночь я почти не спала. Хотя мы жили скудно, барахла в шкафах оказалось предостаточно: одежда, постельное и столовое белье, книги – я забила кухню и ванную под самый потолок. Часто бывая за границей, тетка с мужем на пустяки не тратились, однако сервиз «мадонна» привезли; я решила, что его тоже надо отправить в магазин. В какой срок купят мебель, никто сказать не мог, а деньги для больницы требовались срочно.

В четверг я вернулась из магазина в совершенно пустую квартиру. По дороге купила несколько больших коробок и принялась наводить порядок. Обмела стены, вымыла полы, вычистила паласы, разложила по коробкам тряпье и огляделась: коробки вдоль стен, телевизор на подставке и старая раскладушка, покрытая пледом – я устроилась в своей двенадцатиметровке по-королевски. О том, что будет, если тетя Люба вернется, думать не хотелось, я так устала, что провалилась в сон, как в колодец.

Весь следующий день был занят правкой статьи, к вечеру я ее закончила. Я работала не разгибаясь, так как не знала, что может произойти завтра. Господи, как замечательно был устроен мир прежде: повесил на шею амулет и живи без забот. «Я привязала к дверям корешок той травы, что спасает от бед...». Сказал бы кто, где растет та травка.

Утром Ольга Андреевна приняла у меня статью, поинтересовалась состоянием тетки, посочувствовала и предложила:

– Возник левый заказ. Совершенно неофициальный, можно сказать, по просьбе. Для сильных духом, как водится, но платят сразу. Естественно, работа в ритме резвой рыси. Возьметесь?

Я схватилась за предложение, не раздумывая. Дома открыла компьютер, глянула переброшенный текст и онемела: «Ноэмная форма жизни в разновидности энтелехии интерпретируется через язык числового видения мира, толкующего континуальность полей сознания, развивая таким образом представление о вероятностном видении мира». Мама родная, я и слово таких не знаю. О чем сочинение? Заглянула в аннотацию – труд литературоведческий. Для кого госпожа Горбунова Г.Н. так изысканно выражается, ведь ни один нормальный человек не станет читать эту как бы научную работу. Триста пятнадцать страниц... Я над ними поседею. Где кожа старой змеи, что хранит от злой мысли, злого слова, злого глаза, злой руки?

В больнице было все то же: тетя Люба не приходила в сознание, ее нижняя челюсть странно запала, лицо стало серым и незнакомым; как мне сказала медсестра, с которой я договорилась об уходе, питание осуществлялось через зонд. Чем я могла ей помочь?

Работа над книгой заняла всю неделю. Я правила не смысл, его я не находила, а лишь грамматику – утомительнейшая работа. В больницу звонила ежедневно, но наведаться не было времени; тетя Люба по-прежнему не приходила в себя. На исходе недели я добила-таки этот окаянный труд и позвонила ученой даме, чтобы договориться о встрече. Горбунова оказалась худой коротко стриженной брюнеткой возраста «всегда тридцать +», до печенок прокуренной и безапелляционной в суждениях – популярный тип, мы называли таких «категорическими

авторами». Ей было мало, что я прочитала ееopus, ей требовалось признание, и я подтвердила качество труда уважительной оценкой:

– Мне кажется, это работа не столько филологическая, сколько философская, восприятие вашего текста требует очень серьезной подготовки.

У меня никогда не было конфликтов с клиентами, вот и на этот раз госпожа авторка ушла убежденной в собственном превосходстве над серой массой. Внимание, уважение и доверительный тон – мои надежные средства защиты.

Издание книги спонсировал какой-то чудак, уж не знаю, где таких откапывают. Удивительно устроен мир: несмотря на общественные катаклизмы, во все времена побеждает не лучший, а наиболее пробивной. Моя девушка была танкоподобна, однако конверт с деньгами примирил с несовершенством бытия: я смогла в срок внести очередную плату за медицинский уход. На обратном пути заглянула в комиссионку и обрадовалась еще больше: продали спальный гарнитур. Деньги за него я могла получить лишь на следующей неделе, но разом ощутила почву под ногами.

Несмотря на то, что доктора не оставляли тете Любе никакого шанса, я должна была сделать для нее все возможное, иначе никогда не смогла бы спать спокойно, я не хотела повторения ситуации с отцом: тогда я не успела простить его, и это мучило меня постоянно. Так и засело где-то на периферии: может, в тот момент, когда у него рвалось сердце, я недобрым словом поминала его приговор «кто, если не ты?». Чувство вины перед ушедшим ужасно, ведь уже никогда ничего никому нельзя будет объяснить, и ты оправдываешь себя, оправдываешь, оправдываешь, а есть ли лучшее доказательство вины, чем потребность в оправдании?

В общем, мысли меня одолевали невеселые, и, как всегда в таких случаях, я постаралась по максимуму загрузить свои серые клеточки процессом изготовления конфеток из гуано, то есть непосредственно работой. Теперь я могла бывать в больнице ежедневно и уже не чувствовала себя уклоняющейся от долгов поганкой. Но это состояние относительного равновесия сохранялось недолго: тетя Люба умерла в конце второй недели.

– Как можно быстрее позаботьтесь о вступлении в наследство, – посоветовала медсестра, которая ухаживала за тетей. – Это вам надо к нотариусу.

Денег, полученных за гарнитур, хватило, чтобы погасить задолженность перед магазином и расплатиться с Ханифой и нотариусом, кремация съела остальное. Мне вручили жестяную банку с пеплом, и я в растерянности привезла ее домой. Что делать дальше, я не знала.

На поминальный обед я пригласила Ханифу на кухню, которую привела в более-менее божеский вид, но сначала она поохала, обходя комнаты, заставленные коробками, и слушая мои объяснения. Я знала, что тетя Люба с Ханифой не ладили, тетка называла ее лимитчицей и частенько костерила Альку и Руслана, шалопутных дворничихиных сыновей-спортсменов. Знала бы она, что именно Ханифа придет ее помянуть!

Мне не хотелось, чтобы тетя Люба осталась в памяти соседки скандальной и вечно раздраженной, и я принялась рассказывать о ней прежней, доразводной. Ханифа слушала терпеливо, но без интереса: она понимала, что об ушедших следует говорить хорошо, но сама в разговор не включалась и чувствовалось, что она не хочет лукавить. Но ведь и я не лгала: до развода тетя Люба действительно была другим человеком, не слишком ласковым, но в целом нормальным. Уход мужа сделал ее инвалидом; она, отказавшаяся по его требованию от возможности иметь детей, возненавидела изменника так яростно, что вернула себе девичью фамилию. Ненависть ее и сожгла. Но как ни относиться к этой истории, жила в тетке настоящая античная страсть, как в Медее, например, которая меня всегда удивляла. Впрочем, удивляла – не вполне подходящее слово, точнее будет, поражала. В принципе мы с нею оказались в одинаковой ситу-

ации, но я давно простила Лешу и вспоминала о нем без обиды и злости. Наверно, я никогда не была способна на сильное чувство, и тетя Люба не без основания называла меня амебой и бесхребетным моллюском. Если задуматься, я на самом деле жила по принципу улитки, но могла ли я существовать иначе в известных обстоятельствах? Что и говорить, вполне бессмысленные вопросы.

В ту ночь сквозь сон мне все казалось, что кто-то бродит за стеной. Утром я увидела в коридоре длинный хвост спутанных черных ниток, который, наверно, вчера занесли на обуви с улицы; я замела нитки в совочек и спустила в унитаз. Пошла на кухню поставить чайник и удивилась: дверца ближайшего к окну навесного шкафа была открыта. Я подумала, что становлюсь рассеянной: тетя Люба не переносила беспорядка и выдрессировала меня на славу.

На работе пришлось задержаться – обсуждение нового номера журнала затянулось; когда я вошла в темную прихожую, то ощутила такое жуткое присутствие чужого, что едва не закричала. Рывком включила свет – никого.

Совсем сдурела, кому здесь быть?

Однако обошла всю квартиру, она, естественно, была пуста. От пережитого страха сон не шел; казалось, квартира полна неясных звуков, шорохов, скрипов, невнятных голосов. Я ворочалась на неудобной раскладушке и никак не могла устроиться; когда последний раз поднесла будильник к глазам, стрелки показывали без двадцати четыре. С этим надо было кончать, и я решила зайти в аптеку за снотворным.

Утром правая дверца шкафа вновь была открыта. Измученная бессонницей, я соображала туго, потом все же нашла круглую резинку и надела ее на обе ручки шкафа. Уходя, оставила лампочку в прихожей включенной.

Я редко прибегала к транквилизаторам, поэтому таблетка тазепама безупречно выполнила свою высокую миссию, однако я едва смогла встать утром – такой хмельной была голова. Вышла на кухню и онемела: шкаф над мойкой был раскрыт настежь. Почему-то я разозлилась, и через несколько минут резинки стягивали все ручки шкафов: посмотрим, кто кого. Я хорохорилась, но все же чувствовала себя до крайности неуютно, и когда на следующее утро услышала, как орет не мною включенное радио, поняла: мне объявлена война. Квартира жила непонятной тайной жизнью: при всем своем здоровом прагматизме я не могла объяснить, почему льется вода из закрытого с вечера крана, отчего на глазах сохнут герани, за которыми я так любовно ухаживала, кто рассыпает по полу карандаши. Я дошла до того, что принесла из церкви святой воды и окропила все углы – на следующий день в мое отсутствие сломалась раскладушка. Увидев подушку, лежавшую на полу, и изголовье, что держалось лишь на брезенте, я села на кухонный табурет, заменявший тумбочку, и заплакала.

– За что? – повторяла я сквозь рыдания, зная, что не получу ответа.

Устав от слез, вынесла раскладушку в коридор, сдвинула палас к стене и постелила себе прямо на нем.

Той ночью она пришла в первый раз. Несмотря на лекарство, я не могла заснуть, просто лежала, закрыв глаза, и вдруг услышала, как отворяется дверь. Дернулась, словно от удара, – тетя Люба стояла у стены, отчетливо рисуясь в слабом лунном свете. Я с ужасом глядела на знакомое лицо, понимая, что давно ждала ее появления. Она двинулась, я сдавленно закричала и провалилась во мрак.

Очнувшись утром на зов будильника, включила лампу в изголовье, глянула на дверь – закрыта. Ничего, что напоминало бы о визите, лишь перевернутая чашка рядом с матрасом и темное пятно от воды на паласе.

В обеденный перерыв я пошла в агентство недвижимости и оставила заявку на продажу квартиры. А ночью тетя Люба пришла вновь, несмотря на удвоенную дозу снотворного. Она так же стояла у стены, потом спросила с издевкой:

– Что, христианкой заделалась? По церквям ходишь? Думала водичкой от меня избавиться? Зачем мебель продала? Ты ее заработала? Цепочку свою небось сохранила, а мое – по ветру?

Мне хотелось объяснить, что цепочка – единственный подарок родителей – стоит совсем недорого, но отчего-то я знала, что не должна отвечать, и лежала, скованная ужасом, и лишь когда она шагнула ко мне, хрипло закричала и вновь отключилась.

Меня вырастили атеисткой, я никогда не верила ни в духов, ни в призраки, и теперь в голове словно молотком стучало: этого не могло быть, этого вообще не бывает. Однако я до деталей помнила ночные события и не могла найти им объяснения. Мой природный рационализм восставал против виденного, и одновременно я чувствовала, что скоро тетя Люба до меня доберется, с каждой ночью приближаясь на шаг. Почему она могла сделать за ночь лишь шаг, почему не придушит сразу, я не могла объяснить: возможно, она имела власть надо мною только когда я бодрствовала, а могло быть и так, что она растягивала удовольствие. С другой стороны, если ее сила кончалась, едва я теряла сознание, значит, она являлась плодом фантазии, галлюцинацией? В общем, я посылала отчаянные сигналы «SOS», пытаюсь хоть в чем-то обрести опору, но не находила ее. Наверно, именно так сходят с ума.

Я двигалась как сомнамбула; на работе считали, что я слишком тяжело переживаю смерть родственницы, советовали взять отпуск и посидеть дома, но я и подумать об этом не могла – с меня хватало и ночных бдений. Я пыталась переключиться на работу, иногда это на короткий срок удавалось, однако незаметно я вновь и вновь возвращалась в заколдованный круг своих проклятых вопросов. Да и куда от них можно было укрыться?

И снова ночь, и проглочены две таблетки, и снова я цепенею от страха под одеялом в ожидании незваной гостьи. На этот раз дверь не скрипнула – тетка беззвучно отделилась от стены и засмеялась:

– Думаешь, таблетки помогут? Конечно, если примешь все разом. Что молчишь? Ничего, недолго осталось, скоро сороковой день...

Она протянула руку, и через не могу, через паралич воли я закричала. И снова все кончилось.

Так я узнала отпущенный мне срок жизни. О какой работе может идти речь в подобной ситуации? Я сидела за компьютером, уставившись в очередную рукопись, пока Ольга Андреевна не подвела меня к вешалке:

– Домой. С завтрашнего дня отпуск. Отдохните, постарайтесь прийти в себя. Статью я передам Наталье Михайловне.

Домой. Это у других дом, а у меня камера смертника. Однако на улице было так холодно, что пришлось брести к станции метро.

На этот раз взбунтовался замок: дверь решительно не желала открываться. Такое случилось впервые: я пыталась повернуть ключ, но он не слушался – ни направо, ни налево. Когда я сражалась с замком, на площадку выглянула Ханифа:

– Не получается? Дай, я.

Под ее рукой дверь открылась тотчас.

– Спасибо. Я уж думала за слесарем идти.

– А ведь я тебя караулю: сегодня девять дней, я приготовила, пойдем посидим.

Во время нашего разговора балованный Ханифин кот Барсик бочком, бочком просочился мимо меня в приоткрытую дверь. Он был страшно любопытным и, когда совал нос к нам, получал за это от тети Любы по полной программе: та восхищалась животными лишь у телеэкрана.

– Куда ты, бессовестный! – запоздало воскликнула Ханифа. – Совсем от рук отбился, не слушается.

– Ничего, мы сейчас вместе вернемся. Спасибо вам, я только сумку кину.

В этот момент раздался дикий кошачий вопль, и Барсик метнулся через лестничную площадку к себе, шерсть на нем стояла дыбом. Ханифа посмотрела ему вслед и прикрыла мою дверь:

– После занесешь. Пойдем.

Я с готовностью шагнула за ней.

– Раздевайся. В ванной клетчатое полотенце для рук. А потом сюда.

Стол Ханифа тоже накрыла на кухне.

– Суп ешь, с бараниной, полезный. А то ты совсем плохая стала, – приговаривала она, окружая мою тарелку полукольцом всяких плосечек с соленьями и маринадом.

– Ну, помянем.

Мы выпили по стопочке водки, и меня повело почти сразу; я налегла на суп, но это не помогло, к концу ужина меня катастрофически развезло. Ханифа смотрела так жалостливо, что я не смогла проглотить подступившие слезы.

– Ну поплачь, поплачь... Ерунда какая-то творится: Филипповна со второго этажа говорит, ты не спишь ночью, ходишь, стулья двигаешь. Я думаю: как так, ведь ты всю мебель продала, что двигать? А она свое: двигает, кричит даже.

Мысли в голове путались, однако я понимала, что не должна ничего рассказывать, и только плакала. Ханифа горестно покачала головой:

– Что же ты делать-то будешь?

– Квартиру хочу поменять.

– Это хорошо, это конечно, а пока, может, у меня поживешь? Комната пацанов свободная, они на сборах.

Я покачала головой.

– Почему? Боишься? Ты за меня не бойся, я же мусульманка, другой веры. И не узнает никто, что ты у меня, а то ведь и не поменяешь, как худая слава пойдет.

– Ко мне вон даже Барсик не подходит.

– Кошка, мозгов мало. А человек понимать должен. И чего ей нейметя? Очень беспокойная была, земля ей пухом. Да тебя, я вижу, совсем сморило. Пойдем, постелю.

Когда я проснулась, было светло; я прикинула, что проспала часов десять, без таблеток и кошмаров. Огляделась – такая странная комната, словно из далекого детства: две металлические кровати, подушки в белых наволочках, Шифоньер с большим зеркалом, и по сторонам стола два стула. Тем не менее пестренькие занавески на окнах делали ее уютной. Славная комната, спокойная, безопасная. И тут же поежилась под одеялом: непременно следовало наведаваться домой, этого совсем не хотелось, но у меня не было с собой даже зубной щетки.

Я тянула, сколько могла: позавтракала – Ханифы не было дома, но на столе стояла тарелка со свежими пирожками – сполоснула чашку, постояла перед старым зеркалом. Действительно плохая стала. Потом тряхнула головой, сказала вслух «пора!» и шагнула за дверь. На этот раз замок вел себя прилично, я сложила в пакет необходимые вещи и зашла на кухню взять продукты из холодильника. Когда я укладывала их в хозяйственную сумку, за спиной раздался грохот. От неожиданности я присела, оглянулась – на полу коричневые черепки керамической вазы, что стояла на одном из шкафов.

Я не стала задерживаться, точнее, испарилась из квартиры в минуту. На Ханифиной кухне под ярким китайским календарем отдышалась, посидела, подумала, решила выйти на улицу, однако вновь почувствовала необъяснимую слабость, прилегла прямо поверх пикейного покрывала и заснула. Да как! Ханифа разбудила меня лишь к ужину. Есть почему-то не хотелось, тянуло опять в постель. Было неловко перед хозяйкой, но я ничего не могла с собой поделать, глаза слипались, и я вновь отключилась.

На следующий день я сказала себе: все, хватит, берись за весла. Привела себя в более-менее божеский вид, подкрасила губы. Господи, как тетя Люба издевалась над моими попытками выглядеть по-человечески!

– Опять мажешься? Зря стараешься: поматросит и бросит.

А кто поматросит? Я никогда ничего ей не рассказывала, она даже о Леше не знала, но этот припев я слышала столько раз, что, кажется, поверила в него. Не из-за того ли... Стоп, об ушедших ничего, кроме хорошего.

Я бродила по городу целый день, заходя в магазины, что встречались на пути. Несмотря на горячее желание тети Любы превратить меня в некий средний род, я все же осталась существом женского пола: любила помечтать, мысленно примеряя на себя то костюм от Ральфа Лорена, то блузку от Нины Риччи, то норковую шубейку. И, естественно, благоухала при этом продукцией Диора – выходило замечательно. Этакое фантазии в стиле блюз. Мой спортивный облик объяснялся одним – зарплатой; под брюками не видны ни заштопанные колготки, ни ботинки, которые носишь пятый сезон. Брюки всегда были черными, когда они занавивались до полного непотребства, я покупала другие того же цвета, чтобы тетка не заподозрила подмены – я всячески стремилась избегать конфликтов. По этой же причине основная гамма моей одежды была черно-бело-серой, то есть до крайности изысканной и безмерно мне опостылевшей. Одно и то же изо дня в день, из года в год, четко очерченный всяческими «нет» и «ты не можешь себе этого позволить» круг, который, как уверяют психологи, в конце концов обеспечат вялотекущую шизофрению. Мышиное существование и вечные мечты о радужных крыльях – опасное соседство.

Яркая афиша частной галереи звала на выставку акварели, но и это заманчивое двухсотрублевое предложение было мне пока не по карману: судя по всему, моя планида занимала незавидное положение в небесной иерархии, поэтому рассчитывать следовало лишь на бесплатные развлечения.

Когда мы сели ужинать, Ханифа вдруг вспомнила:

– В твоём ящике бумага какая-то.

– Реклама, наверно, вечно проспекты засовывают.

– Что же ты не ешь ничего? На работе обедала? Так это уж давно.

Я что-то промямлила, соображая, что с утра потребила лишь пирожок да чашку чая. Есть не хотелось совершенно, однако из уважения к кулинарным способностям Ханифы пришлось все же одолеть пару оладий со сметаной, и, чтобы прервать ее сетования по поводу моего никудышного аппетита, я спустилась к почтовым ящикам. За синей металлической дверцей лежала короткая записка: «Зайдите на почту». Я показала ее Ханифе:

– Может, Оля деньги прислала?

– Извещение бы оставили, – возразила моя хозяйка.

Справедливое замечание. Но тогда что же там? Но час для визита в почтовое отделение был слишком поздний, и я решила наведаться туда утром «перед работой» – мне не хотелось рассказывать трудяге-Ханифе об отпуске, как-то неловко было.

Телеграфная барышня, вручившая мне коричневатый бланк, почему-то отвела глаза; я поблагодарила ее и разорвала бумажную скрепу. Текст был такой неожиданный, что вначале я ничего не поняла: «Во вторник седьмого умерла бабушка тетя Рита похороны десятого Дима». Я с трудом продиралась сквозь пропущенные знаки препинания к смыслу, осев у стола и не отрываясь от плохо пропечатанной строчки из одних заглавных букв. Господи, что я рассиживаю, в аэропорт надо!

Я разыскала Ханифу, прочитав телеграмму, та только руками всплеснула:

– Да что же это на тебя все валится!

По телефону мне объяснили, что все рейсы на Новосибирск ночные, и я заметалась между двумя квартирами, собираясь в дорогу. Пересчитала наличные – очень негусто, само-

летом в оба конца не осилить, открыла компьютер – цены на железнодорожные билеты были сумасшедшими, хватало только на плацкарту, а ведь еще и на похороны следовало дать: Оля говорила, что едва перебивается. Опять выручила Ханифа: все те же две пятитысячные бумажки вновь оказались в моем кошельке.

– Надолго задержишься?

– Не знаю, скорее всего, вернусь после девяти дней.

Голова была пустой. Я припомнила, как Оля говорила, что мама простудилась. Как же она недоглядела? Закрутилась, наверно.

Мой рейс был самым дешевым, но и самым неудобным, почти два часа пришлось провести в Толмачево, дожидаясь рассвета. На улице мело: десятое ноября в Сибири – это уже зима. На автобусе доехала до вокзала, потом минут двадцать ежилась на площади под порывами ледяного ветра пока не подошла маршрутка. Когда вышла на родной Богданке – улице Богдана Хмельницкого – от слабости закружилась голова.

Дверь открыла сестра, она в недоумении глядела на меня несколько секунд, явно не узнавая, потом охнула, отступая назад и впуская меня в квартиру. Мы обнялись.

– Как же ты без звонка?

– Телефон испортился, – я не решилась сказать, что последние дни жила не дома.

– А-а, то-то я полчаса потела впустую, пришлось телеграмму давать. Да ты раздевайся, проходи. А я и в глазок не глянула, думала, это Славка.

В комнате я удивленно огляделась:

– Как у тебя здорово!

– В прошлом году капитальный ремонт делала, так заодно и мебель поменяла. Пойдем завтракать.

На плите уже кипел чайник.

Она повела меня на кухню по квартире, в которой я прожила полжизни и которую сейчас не могла узнать. Я с готовностью ахала во всех положенных местах, ни минуты не покрывив душой.

– А где все?

– Славка у себя, Михаил у Димки – с машиной что-то. Ты же не знаешь: мы им по квартире купили, каждому по двухкомнатной, и по машине, тоже каждому. Да ты ешь.

Честно говоря, после октябрьского разговора я представляла себе их жизнь несколько иначе, и, сидя за столом, заставленным всякой всячиной, даже растерялась.

– Тебе кофе или чай?

– Лучше кофе, я в самолете совсем не спала, боюсь, к похоронам развезет.

– Тогда лучше чай, ты приляг в материной комнате, похороны только в два. А наговориться мы успеем, ты ведь на девять дней останешься, да?

Я кивнула. Сестра была старше меня на восемь лет и всегда верховодила.

– Похороны из больницы?

– Не сюда же было везти. А ты откуда хоронила?

– Я урну с собой привезла, думала, устроить всех в одной ограде будет правильно.

– Пожалуй, да. Только не сейчас, позднее, когда памятник ставить будем. Там еще куча бумаг потребуется.

– Я все подготовила.

– Молодец, какая предусмотрительная, на тебя и не подумаешь. Ой, да ты уже хороша. Пойдем.

Я покорно поплелась за нею и отключилась, едва коснувшись подушки. Потом были похороны – никого из знакомых, только мы впятером да похоронная команда. Вернувшись с кладбища, сели за стол; после первой рюмки меня повело, я пыталась есть, но в конце концов вышла на кухню и заплакала. Вскоре туда же зашел покурить Славик, мой старший племянник.

– Что это ты, тетя Рит? Жалко, конечно, но что поделаешь.

– Как же так, Славик, как же так? – повторяла я в отчаянии. – Ни Фроловых, ни Елисеевых, ни Дорогиных? Они что, одичали? Ведь столько лет вместе, на одном заводе – и никого... Тебе пока не понять...

Он шелкнул зажигалкой, затянулся:

– А-а, так это мать никому не сказала. А то набегит всяких на дармовщину: теперь народ не промах.

От неожиданности у меня даже слезы кончились; Славка стоял передо мной спокойный и уверенный, и я растерянно пробормотала:

– Ну, если так, тогда что же... Тогда ладно...

Он снисходительно похлопал меня по плечу:

– Все там будем. Живи, пока живется, – загасил сигарету, приобнял меня и повел обратно к столу.

В тот вечер я сделала много открытий: оказывается, Ольга уже почти семь лет занималась торговлей брюками и регулярно летала в Китай – контролировала их производство.

– Вот так, считай, челноком. Думаешь, легко?

– Что ты, я понимаю, но как же ты одна?

– Мои лбы крутятся с запчастями, у них вроде хорошо пошло. А кто бы подумал, что из Мишани такой помощник получится? Везет пока. Перед самым кризисом думали даже магазин расширить, да слава богу не успели. Сейчас дела выправляются помаленьку, держимся. Видишь, как страна пуп надрыгает, не то что вы там, в Москве.

– Я тоже работаю.

– Конечно, бумажки справа налево перекидывать – к вечеру так руки ломит!

Славка с Димкой засмеялись. Это было несправедливо, но я смолчала: поминки не самое подходящее место для выяснения отношений.

– Эх, – сказал Михаил, – не видать мне больше тещиных котлет. Как она их готовила, какой подлив!

– А пироги! – вздохнул Димка. – С грибами, со щавелем, с капустой!

– Пока я могу готовить. Вы на работе, а мне что делать?

Ольга обрадовалась:

– Так я их на тебя оставляю, а то мне в воскресенье лететь.

На том и порешили.

С утра мы с сестрой отправились на рынок, она набила полные сумки, Славик на «фольксвагене» отвез нас домой, и я встала к плите. Оля хотела помочь мне чистить картошку, но я запротестовала:

– Нет, хочу прикинуть, сколько времени на это уходит, я раньше для такой гвардии не готовила. Сядь лучше, поговорим. Слушай, как ты решилась этим делом заняться? Я бы побожась.

– Жалею теперь, что раньше не начала. Хотела, да отец на стену полез: и думать не смей, зачем мы тебя учили – все в таком духе. Ты же его помнишь: слова поперек не скажи, тридцать лет на своем заводе командовал, так и разговаривать по-людски разучился – одни распоряжения да разносы.

Что-что, а это я помнила.

Ольга горько усмехнулась:

– Я и человеком-то себя почувствовала только после его смерти, стыдно сказать, но это так. Он ведьдохнуть самостоятельно не давал. А уж как его раздражал Мишка! Да и дети иногда. Мы здесь все на цыпочках ходили.

– А отделиться?

– Шутишь! Он ни за что не хотел эти сто квадратов делить: «Так государство оценило мою работу, попробуйте сами того же добиться!». А кто нам сегодня что-нибудь даст! Те времена давно прошли. Можно было купить, так ведь он копейки не хотел дать, требовал, чтобы мы на свои покупали, а с каких щей? Зарплаты у нас с Мишкой были копеечные, и то считай все на еду отдавали, как он требовал.

– Вы платили за еду? У него же была такая зарплата...

– А то!

– Но мама как же?

– Когда она ему хоть слово поперек сказала?

На самом деле я такого не помнила.

– Единственный был шанс отделиться – уехать. Нет, всегда нет! Уж как я его просила, чтоб позволил в Москву к тете Любе вместо тебя – ни в какую. Тебе повезло, ты даже не представляешь, как тебе повезло: в столице, на всем готовом, ни забот, ничего.

Насчет ничего она угадала верно.

– С тетей Любой тоже было трудно.

– Потому что ты такая тюха, у меня бы она не распустилась.

– А зачем тебе было нужно его разрешение? Со мной бы поговорила.

– С тобой и так все было ясно. Мне Славку с Димкой надо было оставить хоть на полгода, пока мы на новом месте устроимся.

– А с Мишаниными родителями?

Сестра вздохнула:

– Там отец пил. Он и сейчас пьет. Уже семьдесят, а все никак не угомонится. Мы мало общаемся, Мишка только. У него это больное место.

– Слушай, а где ты деньги взяла, чтобы начать? Я же видела, когда на похороны приезжала, – лишних у вас не было.

Ольга засмеялась:

– Не было, конечно. Кредит взяла под квартиру.

Я оторвалась от картошки:

– Ты что? Это же так опасно!

– А почему, как ты думаешь, я полгода не спала? Пока не расплатилась. Но больше взять было негде. Посоветовалась с Мишаней и решила рискнуть.

– А мама?

– Это сразу после похорон было, она тогда еще из ступора не вышла, подписала, не вникая. Я и сама иногда думаю: как проскочила? Не иначе, бог помог. Ты не представляешь, какие проценты содрали. Я крутилась, как угорь, вот и вывернулась, хотя это почти чудо: я ведь тогда еще ничего не знала и не умела. Прикинь: из КБ в бизнес. Хорошо, Мишаня меня во всем поддерживал, пусть сам не мог, но под ногами не путался.

– Повезло тебе с ним. Вообще, как ты его разглядела, у тебя же столько поклонников было?

Сестра на минуту задумалась.

– Знаешь, он совсем мой и был таким с первого дня. Он надежный, терпеливый, верный, добрый. А ты помнишь, мама повторяла: главное, чтоб был добрый – вот и приговорила.

Я помнила это, хотя в душе была убеждена, что главное в мужчинах – ум.

– И с чего ты начала свою, извини, авантюру?

– С проекта, конечно. Я сразу решила: распыляться не будем, никаких сельпо. Проработала рынок и выбрала направление: будем торговать брюками собственного производства. Определила, что шить надо в Китае, в Гуанджоу.

– Почему?

– Там главное производство тканей и швейные фабрики рядом. Собственную торговую марку зарегистрировали – там это проще делается, чем у нас, так что брюки выпускаем под маркой «Чаровница».

– А проблемы были?

– Главной проблемой были лекала – фигуры-то у нас с китайками разные, – но я и это решила. Размерный ряд у нас сразу был широкий; хотя фасонов я выбрала всего шесть, но расцветки подобрала разные. Думаю, поэтому и спрос пошел стабильный.

– Как же ты дело налаживала, ты ведь китайского не знаешь?

– Обратилась на восточный факультет нашего универа, нашла пару умных ребяташек, которые с радостью согласились поработать в Китае. А когда поняла, что удержалась, дала себе слово: главное – отделить детей, дать им возможность самостоятельно строить жизнь. Скажи, разве это дело, как я, в сорок три года стать хозяйкой в квартире? Да что там, о какой личной жизни можно говорить, когда только о том и думаешь, чтоб кровать не скрипнула? Не хочу, чтобы и Славка с Димкой так жили.

– Но большие деньги кружат голову, они же еще мальчишки совсем.

Ольга снисходительно улыбнулась:

– Плохо ты их знаешь. Да и какие большие деньги? На бензин хватает да на шмотки, ну еще съездить куда на пару недель. Они уже маленько посмотрели мир, не то что мы в их возрасте. Мы все больше с телеком кинопутешествовали, да?

Некоторые особо удачливые до сих пор так отдыхают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.